

ФОТО СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВА

Волны Твои прошли надо мною

Долгие опасения, что публика не скоро проложит дорожку в ММДМ, развеяны. Особенно если там будут такие концерты, какой состоялся в минувшую среду.

■ **Наталья ЗИМЯНИНА**

«Какой красавец! Ты не видела? Надо идти!» — сказала одна меломанка. «Какой дирижер! Надо не просто идти, а обязательно!» — укоризненно возразил ей критик со стажем.

Это о Владимире Юровском. В прошлый его приезд в Москву не все клюнули на новое имя, теперь остается только жалеть.

В ММДМ Юровский, действительно красавец с фигурой Джеймса Бонда, дирижировал программой необычной, непривычной музыки, на которую просто публику не особо-то и заманишь. Но — итак: одни пришли любоваться статью и редкой красоты и четкости профессиональными жестами маэстро. Другие, среди которых было немало композиторов и теоретиков-музыковедов, — явно на программу: звучало два сочинения эстонского (третье десятилетие живет в Берлине) композитора Арво Пярта и «Русалочка» Александра Цемлинского.

Имя Цемлинского появилось в кулуарных разговорах лет семь назад, кое-кто тогда даже решил, что это какой-то забытый советский композитор. Цемлинский же — австриец, друг и учитель Арнольда Шенберга, и это было уже так давно, что ни в сказке сказать...

Но о сказке позже. А сначала — о Боге. Пярт принадлежит к тем великим современным композиторам, которым удается лаконичной музыкой напрямую говорить с Создателем.

Первое сочинение «Arbos» для восьми медных духовых не длилось и пяти минут: оно началось решительно и быстро поставило все точки над «i». Тревога Божьих труб — что может быть тревожней?

Последовали два псалма (42 и 43), исполненные под оркестр неизвестной нам певицей Патрицией Розарио. Родившаяся в Бомбее, она обладает своеоб-

разным мягким тембром и свободой этнического стиля. Прибавьте идеальную технику, чистоту, диапазон, напоминающий чудеса Имы Сумак, и строгость текстов. И вы снова получите тот же, напрямую, разговор с Создателем. Интимнее не бывает: «Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною... Для чего Ты забыл меня? Для чего я, сетуя, хожу от оскорблений врага?..»

Молитва, длящаяся для каждого из нас (кто не наглый) всю жизнь, облечена Пяртом, как всегда, в форму уже узнаваемую. Эту музыку можно выдать за расшифровку ацтекских знаков или записей древнегреческих оракулов, или египетской клинописи, или какой-нибудь книги царя Самуила. Каждый, раскрыв рот, поверил бы. Потому что в человеке с тех пор ничего не изменилось — музыка свидетельствует (да и наглые, в том числе, были отродясь).

Российский национальный оркестр в этот вечер показал, что его гибкость, умение всецело подчиняться каждому дирижеру-личности неизменно — и звучал роскошно.

Так вот, кстати, о сказке. Цемлинский написал свою симфоническую поэму «Русалочка», которая звучала у нас впервые, по Андерсену. И в долгое трехчастное сочинение поразительной красоты между двумя «морями» уместилась вся известная драма. И гладь, и рябь, и штормы, и любовь, и гибель всерьез, и возрождение. И, главное, оркестру самому явно были интересны это сочинение, этот дирижер, это путешествие в страшную сказку для взрослых.

Впрочем, музыка, написанная лет сто назад, далеко не ретро. Любителям рисовать перед собой живописные картины легко представлялась, например, история «Титаника» или даже просто его киногероев во главе с Ди Каприо. Какая разница?

Письмо Цемлинского столь же изысканно, как и Малера, и то, что звучит этот композитор у нас все чаще, обещает ему здесь не меньшую популярность. Опоздали, правда, на столетие. Это у нас часто случается.

Вет. Москва. — 2003. — 24 окт. — с. 6